

О НЕКОТОРЫХ СЕМИОТИЧЕСКИХ ПАРАДОКСАХ В РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ

Н. В. Перцов

Всякое описание знаковой системы предполагает какое-то решение вопроса о составе ее знаков. Знак имеет по меньшей мере две стороны: означаемое и означающее. Поэтому при постулировании того или иного значения требуется по возможности точное указание материальных объектов, выражающих это значение, а при придании тому или иному материальному объекту в языке значимого статуса необходимо прояснение его внутренней стороны – означаемого. Следует сказать, что практика грамматических описаний языка в ряде случаев уклоняется от прямых указаний такого рода, что мы и наблюдаем в некоторых разделах русской грамматики.

Между тем в языке существуют явления, семиотический статус которых сопряжен с парадоксами и казусами. Бывает непросто ответить на вопрос о средствах выражения тех или иных значений, о статусе тех или иных единиц с точки зрения их места в грамматической системе (скажем, если речь идет о морфологических единицах, об их принадлежности к сфере словоизменения или словообразования) или о категориальном статусе грамматических единиц. Введенное в 1990-х гг. И.А. Мельчуком [3, с. 287] понятие квазиграммемы – внекатегориального словоизменительного значения – позволяет в ряде случаев разрешить сложные проблемы прояснения семиотического статуса языковых единиц.

Среди подобного рода «семиотически неподкрепленных» явлений русской грамматики можно отметить следующие.

- Припредложные формы местоимений третьего лица: для него ~ боюсь его , к ней ~ отдал ей, с ними ~ люблюсь ими.

Следует ли для противопоставления выделенных форм постулировать особые падежи («припредложные»), или же особую грамматическую категорию с граммемами «самостоятельность ~ припредложность», или же особую квазиграммему «припредложность»? При выборе любого из трех вариантов соответствующие средства грамматического описания естественно применять только в сфере местоименных форм третьего лица, но не распространять на все существительные.

- Полная форма прилагательного – в противопоставлении к краткой форме: *хитрый* ~ *хитёр*.

Здесь снова встает альтернатива выбора между категориальным и квазиграммемным вариантом описания: в первом случае полная и краткая форма противопоставляются в рамках категории («атрибутивности / неатрибутивности – по А.А. Зализняку [2, с. 88]), во втором – посредством особой квазиграммемы для кратких форм.

- Степени сравнения прилагательного: *хитрый* ~ *хитрее* ~ *хитрейший*.

Если принимать категориальную трактовку для противопоставления типа *хитрый* ~ *хитрее*, тогда встает вопрос о средстве выражения положительной степени прилагательного? Либо придется нагрузить таким грамматическим значением падежно-числовые окончания, либо постулировать особый нулевой знак «позитива». В первом случае возникнет расхождение между семиотическим статусом окончаний у обычных прилагательных, с одной стороны, и у прилагательных с суффиксами *-ейш/-айш* и полных причастий, с другой. Во втором случае нужно будет отыскать нулевому знаку место в составе «позитивной» словоформы – перед окончанием или после него. Никаких сложностей подобного рода не возникает при квазиграммемной трактовке обсуждаемого противопоставления: форма *хитрее* наделяется квазиграммемой «компаратив». Что же касается форм типа *хитрейший*, их вообще естественно трактовать в рамках словообразования (как сделано в «Грамматическом словаре» А.А. Зализняка [3, с. 6]).

- «Аттенуативное» значение при компаративе: *похитрее*.

С точки зрения эвристических критериев противопоставления словоизменения и словообразования (рассмотренных в книге [4, с. 94 и сл.]) данное значение тяготеет к словоизменению. И в данном случае квазиграммемная трактовка позволяет избежать семиотических парадоксов. Словообразовательная трактовка приводит к необходимости усматривать в данном случае словообразование не от всей лексемы, а от части парадигмы лексемы (аттенуатив берется от формы компаратива).

- Означающее форм действительного залога в глаголе: *читает* в противопоставлении к *читается*.

Общепринятая категориальная трактовка залога в русском языке не отвечает на вопрос о средствах выражения действительного залога в финитных словоформах. В самом деле, чем выражен действительных залог в словоформах *читает, читал, читала* – в противопоставлении к возвратным страдательным словоформам *читается, читался, читалась*? – Для словоформ первого ряда опять же не видно иного способа трактовки плана выражения, кроме постулирования нулевого знака, который приходится располагать после лично-числового окончания (а в причастиях – после падежно-числовых окончаний). Снова квазиграммемная трактовка снимает все подобные семиотические затруднения: страдательный залог можно объявить квазиграммемой.

- Проблема возвратности: семиотическое разграничение страдательных форм типа *читаемый ~ читающийся*.

Обе формы такого типа признаются формами страдательного залога; как правило, они считаются синонимичными. Последнюю точку зрения можно подвергнуть сомнению: невозвратная и возвратная формы связаны с противопоставлением стательности ~ акциональности ситуации, выражаемой глагольным предикатом. Соотношение между такими формами, как представляется, по своему содержанию отличаются от словоизменительных дублетов типа *стеной ~ стеною*. А тогда для различения плана содержания невозвратных и возвратных страдательных форм придется прибегнуть к особым средствам грамматического описания. И в данном случае квазиграммема выглядит более привлекательной, чем категория: страдательным формам на *-ся/-сь* предлагается присваивать квазиграммему «возвратность».

- Побуждение к совместному действию в глагольных формах первого лица мн. числа с постфиксом *-те*: *пойдемте*.

Такие формы (как и формы без постфикса с императивной интерпретацией – *Пойдем же в кино*) обычно подводятся под рубрику повелительного наклонения. Думается, здесь смешиваются грамматическое значение и его интерпретация. С семиотической точки зрения такие формы – без постфикса или с постфиксом – представляется более естественным трактовать как индикатив; императивная интерпретация возможна в первом случае и обязательна во втором. Для постфиксальных форм можно ввести особую квазиграммему.

- Фамильярное побуждение: знак *-ка* в выражениях типа *приди-ка*.

Данный знак допускает тройственную трактовку – общепринятую лексическую (как отдельной словоформы), словообразовательную и словоизменительную. Лексической трактовке противоречит синтаксическое поведение *-ка*: этот знак не удовлетворяет ни одному из критериев отдельности слова (не отделим от знака-ориентира, присоединяется только к ограниченному дистрибутивному синтаксическому классу и т. п. – см. [3, с. 161 и сл.]). Словообразовательная трактовка вынуждает признать здесь феномен словообразования не от лексемы, а от ограниченной части парадигмы. Самой простой и семиотически элегантной представляется словоизменительная – и при этом квазиграммемная – трактовка данного знака.

Кроме перечисленных, в русской грамматике есть и другие семиотически сложные явления: статус вокатива (*Наташ, Серёж, пап, мам* – падежная граммема vs. непадежная квазиграммема); число у предметных *pluralia tantum* типа *сани* (множественное число vs. омонимия чисел); отадъективные наречия типа *смело, геройски, по-новому* (словообразование vs. словоизменение, категория vs. квазиграммема); категория вида (словоизменение vs. словообразование vs. отдельная трактовка суффиксальных и префиксальных видовых пар); императив (только формы 2 лица *иди, пойди* и т. п. vs. расширенная трактовка императива с включением форм типа *пойдем, идем, пусть идет, да идет* и т. п.); глагольное время («классический» способ описания в виде трех обычных времен – наст. ~ прош. ~ буд. vs. «неклассический» с двумя временами «нейтральное» ~ прош.); морфное членение глаголов на *-нуть* (сочетание суффикса *-н* и тематической

гласной *у* – *прыг-н-у-ть* vs. суффикс *-ну* с алломорфом *-н* – *прыг-ну-ть ~ прыг-н-ет*); префиксальное отрицание внутри словоформы (*неэффektivный, непопулярность*; словообразование vs. словоизменение; при словоизменительной трактовке: квазиграммема vs. граммема отрицательности).

Литература

1. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967.

2. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977. [Последнее 4-е издание, испр. и доп. – М., 2003.]
3. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Том I. Введение и Часть первая: Слово. М. – Вена, 1997 [перев. с франц.].
4. Перцов Н.В. Инварианты в русском словоизменении. М., 2001.